

По банановым республикам без охраны

И. Толубятников

Игорь Голубятников

**По банановым республикам без
охраны. Роман-путеводитель**

«Издательские решения»

Голубятников И.

По банановым республикам без охраны. Роман-путеводитель /
И. Голубятников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833507-5

Занимательные и познавательные истории (написанные к тому же от первого лица!) про жизнь, быт, привычки и традиции народов стран Центральной Америки, больше известных миру под названием «банановые республики». Время описываемых приключений: конец прошлого — начало нынешнего века с небольшими историческими инкрустациями и обильными повседневными комбинациями. P.S. Ваши отзывы шлите сюда: igorgol2003@inbox.ru

ISBN 978-5-44-833507-5

© Голубятников И.
© Издательские решения

Содержание

Гватемала	6
Антигуа	11
Чимальтенанго	16
Тикаль	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

По банановым республикам без охраны
Роман-путеводитель
Игорь Голубятников

© Игорь Голубятников, 2016

© Константин Никитский, дизайн обложки, 2016

Редактор Игорь Голубятников

ISBN 978-5-4483-3507-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гватемала

От Агуас Кальентес, пограничного пункта между Гватемалой и Гондурасом, до городка Эскипулас, где я должен был сесть на автобус до столицы страны, никакой транспорт, кроме вдрызг проржавевшего такси, почему-то не ходил. «Наверно, местные таксисты по-свойски пошушукались с алькальдией и взяли маршрут себе на откуп. Монополисты хреновы, нет на вас нашей ФАС, был бы вам тут всем атас», – подумал я, и от непроизвольно выскочившей рифмы мне даже как-то полегчало.

Десяток с небольшим километров отделяли погранпункт от автобусной станции. Часа полтора ходьбы, не меньше. И ночевать в Эскипулас не входило в мои планы. В общем, взяла такси за двенадцать кетцалей (местная валюта, названная так в честь почти истребленной из-за роскошных хвостовых перьев птицы) и благополучно добрался до автобусного терминала. До столицы, как сообщил мне зевавший от хронического безделья кассир, отсюда было около четырех часов езды. Но это только в том случае, если сама поездка была бы безостановочной. А остановиться автобус мог по многим причинам.

Во время сезона дождей здесь в горах частенько бывают обвалы и оползни. В случае повреждения дороги одним из них мы вряд ли бы добрались до столичного отеля к вечеру. Да и не только камни, как выяснилось впоследствии, могут перекрывать дороги. Первый крупный, по местным меркам, город на нашем пути назывался Сакапа. Их много, всяких таких «сакап» разбросано по дорогам и весям Латинской Америки. Но именно в этом захолустном городке началась дистилляция знаменитого гватемальского рома под одноименной маркой. Однако, ром я уже пробовал, проникающий во все поры запах забродившего тростникового суслу тоже мне был знаком, так что можно было продолжать путь, не задерживаясь на экскурсию по ромокурне. Да и остальные попутчики останавливаться на дегустацию не стали.

Автобус просто постоял минут двадцать под черепичным навесом, подобрал еще несколько пассажиров и выехал на дорогу, ведущую из столицы страны в ее главный порт на Карибском море – Пуэрто-Барриос. Мне нужно было в обратную сторону. Туда мы и направились. Больше автобус нигде не останавливался, и я даже слегка задремал на живописной горной дороге. Пейзаж по обочинам практически не менялся – везде поросшие соснами холмы, так что приятное во всех отношениях убаюкивание произошло довольно быстро. Мотор обнадёживающе урчал, автобус взбирался все выше и выше по серпантину, и я мирно посапывал до тех пор, пока мы не стали спускаться в очередную долину и останавливаться буквально через каждые пять-десять минут. Дело в том, что наш шофер начал подбирать пассажиров прямо с дороги. Это, видимо, здесь являлось делом вполне себе обычным, и никто особо по такому поводу не заморачивался. Плюс стало появляться намного больше узких мостов, где нужно было уступать дорогу встречному транспорту, да и ремонтные работы кое-где велись полным ходом. Так что, чем ближе к метрополии, тем чаще остановки. Логично. Каждый раз, когда автобус останавливался, нас, как мухи, облепляли торговцы всякими съестными припасами. Здесь была и всевозможная выпечка, и пакетики с солеными орешками и кусочками зеленого недозрелого манго, и *quesadillas* – лепешки с соленым сыром, и даже местный виноград, отнюдь не традиционная для этих широт ягода. Продукты свисают у торговцев отовсюду – с шеи, рук, ног, мотаются вокруг их пронырливых тел, как обруч вокруг талии прекрасных акробатов, но, почему-то, ничто ни у кого не падает даже при такой повышенной промо-активности. Поразительная корпоральная ловкость. Может, они и вправду раньше в цирке шапито работали?

И вот торговцы всем миром берут очередной (то есть наш) автобус на бордаж, прут тараном по проходу меж кресел, громко рекламируют свой товар, заглядывают в глаза, нашептывают в уши, но я вежливо отказываюсь от всего этого разнообразия по причинам банальной гигиены. Очень, знаете ли, не хочется искать потом уединения в придорожных кустах! Однако

вежливость моя воспринимается, видимо, как нерешительность или даже, наоборот, как желание набить себе цену, и продавцы с удвоенной силой кидаются на штурм моего кошелька. Чтобы только отвязаться от их назойливого роя, я выбираю у одного из маркитантов алюминиевую (хоть какая-то гарантия соблюдения санитарных норм!) банку лимонада. Остальные разочарованно ретируются, в душе, наверняка, матеря голубоглазого гринго за неподобающую скупость.

Народ в автобусе, однако, раскупает товар с видимым удовольствием, как простое средство от дорожной скуки, и немедленно начинает эту скуку изгонять путем активного поглощения приобретенного. Так, жуя и пия, мы потихоньку продвигаемся по направлению к столице, на очередной остановке пополняя запас противоскучных средств и комментируя редкие события, происходящие по ту сторону автобусного стекла.

Мои сегодняшние попутчики, в основном – ладино, кроме пожилой пары индейцев майя. Индейцы держатся особняком от остальных и переговариваются между собой на одном из многочисленных диалектов, оставшихся им, вместе с безвылазной нищетой, в наследство от их легендарных предков. В Гватемале 60% населения – индейцы и негры-гарифуна, майя составляют 2/3 от их общего числа и делятся на 3 основные группы: Киче (K'iché), Какчикель (Kaqchikel) и Кекчи (Q'eqchi'). Так что понять, о чем они там меж собой переговариваются, нет никакой возможности не только для меня, но и для всех остальных присутствующих. Ну, и пусть. Остальные, то есть, ладино, сразу же начинают трещать, что твои воробьи на колхозном гумне во время обмолота зерна. Вообще, обстановка в салоне, если не обращать внимания на испанский язык, местную одежду и цвет кожи пассажиров, вполне соответствует внутривагонной атмосфере какой-нибудь дачной электрички Савеловского направления, где все сразу перезнакомились, а на подъезде к Белому Городку уже и начали находить общих родственников, да друзей-подруг.

Мотор тем временем начинает переходить на повышенные тона, затем на откровенный рев и мы со всего ходу вдруг оказываемся на краю внушающего уважение ущелья с блестящей где-то в полукилометре внизу справа от нас речкой. Дорога забирается еще выше, и с этой высоты начинают открываться во всей красе рассеченные трещинами гигантских провалов горные хребты – немые свидетели бушевавшего здесь когда-то в палеозойскую эру великого землеустройства. Ущелья слишком широки, чтобы соединять их края мостами, и необозримо глубоки, чтобы засыпать их оползневыми камнепадами даже на протяжении тысячелетий.

Дорога, как и на любом горном серпантине, то нависает надочередным ущельем, то жметя к очередной скале и тогда кажется, что наш автобус не сможет вписаться в очередной поворот, и мы вот-вот полетим вместе с ним и со всем нашим скарбом в очередные палеозойские тартарары! Однако шофер автобуса, пожилой уса́тый дядька в распахнутой на волосатой груди рубашке, выглядит абсолютно спокойным и уверенным в себе и в надежности ведомого им «Форда» – гордости американского автопрома. Эту непоколебимую его уверенность не может потревожить, похоже, ничто и никто, дажередкие лихачи, обгоняющие нас на коротких прямых участках дороги, а уж тем более какие-то изгибы Центральноамериканских гор. Мы начинаем постепенно спускаться по серпантину, и тут я замечаю, что нам уже давненько не попадают встречные машины. То есть, вообще никакого транспорта на левой стороне дороги.

Съезжаем в долину. До города, похоже, отсюда уже недалеко потому, как отдельные домишки по обочинам шоссе начинают помаленьку формироваться в непрерывную уличную шеренгу. А чуть позже показывается и вторая от дороги линия застройки. Меж тем, шофер начинает сбавлять потихоньку скорость, выпускает какое-то длинное замысловатое ругательство, притормаживает, а потом и вовсе выключает мотор, чуть не уткнувшись бампером в кузов стоящему впереди грузовику с крупным рогатым скотом. Одна из буренок, просунув любопытную морду за доски ограждения над бортом, даже пытается облизать его волосатую грудь через лобовое стекло. А, может, и пощипать ее вместо недосыгаемой из грузовика травки! Пас-

сажиры немедленно высовывают головы в окна автобуса и поворачивают их в сторону выявления причин неожиданной остановки, попутно глотая поднявшуюся с обочины обильную пыль.

Так и есть. Мы в конце длиннющей, уходящей за поворот, вновьвынырывающей за утесом и продолжающейся потом до самого горизонта очереди из разнообразных автомобилей. Шофер наш открывает дверь, берет с панели початую пачку сигарет, выходит из кабины, и, судя по тому, как размеренно и неторопливо он это делает, я начинаю сильно сомневаться в возможности устроиться сегодня на ночь в горизонтальном положении.

«*Estos culeros me tienen chingado hasta la coronil a!*» (переводимый, но отнюдь не литературный фольклор!), – громко жалуется он группе таких же недовольных задержкой водил, скучковавшихся прямо посередине шоссе. Они одобрительно кивают головами, поддакивают, оживленно жестикуют руками, что-то комментируют, и вообще всячески выражают коллеге свои профессиональные симпатии. Шофер закуривает и присоединяется к эмоциональному обсуждению положения дел на дороге, а заодно и вообще в стране и во всем проклятом Центральноамериканском регионе. Кто-то из наиболее активных (наверняка, член шоферского профсоюза) размашисто идет от закрывшего перспективу поворота в нашу сторону. Не дожидаясь пока он достигнет собравшихся, те кричат ему, мол, что там, за поворотом? Там, за горизонтом?? «Там, там-тарам, там-тарам..», – отвечает нараспев опрашиваемый. А может, это я пою про себя песенку «Самоцветов» о багульнике на сопках с досады, что не удастся мне, горемычному, отдохнуть по-человечески после целого дня езды в полусогнутом положении.

Человек доходит, наконец, до группы, что-то докладывает собранию, размахивая руками и тыкая поверх голов указующим перстом. Видимо, пытается объяснить остальным размеры постигшего их бедствия. Потолковав с коллегами еще несколько минут, оценив поступившие разведданные и выпустив наружу произведенный ими пар недовольства, наш шофер возвращается в автобус и сообщает радостную весть, что впереди какие-то «*sochinos*» (поросята) положили через дорогу баррикаду из старых покрышек и прочего мусора. А для усиления визуального и ароматического эффектов все это дело подожгли. Стало быть, пока не приедет кто-нибудь из правительства и не выслушает требований протестующих, проезд будет закрыт. Есть, правда, и другой вариант.

Это если приедет не правительство, а представляющие его в таковых ситуациях полиция или армия, дадут протестующим хороших люлей вместо удовлетворения выдвигаемых ими притязаний и очистят проезжую часть от горящего хлама. А, заодно, и от набросавших его.

Народ в автобусе, видимо, привыкший к такого рода манифестациям, спокойно поднимается со своих кресел и организованно выходит искать в придорожных кафешках привычные средства борьбы со скукой. Забегаловок вдоль дороги и, правда, хоть пруд пруди. Окна везде распахнуты для лучшего обзора все той же выпечки, орешков, манго и т.д., но есть также и *tortil a con frijoles* (лепешка с фасолью) и жареные *platanos con mantequil a* (жареные бананы со сметаной). Я даже вижу в одном едальном заведении *pasatamales* – рождественские коврижки из кукурузной массы с кусочками вареного куриного мяса и черносливом внутри. И все, абсолютно все эти запыленные общепитовские учреждения увенчаны, как короной, рекламой вездесущей и всепроникающей «Кока-Колы». Глобализация, однако!

Выбравшись со всеми остальными, кроме индейской пары, пассажирами из автобуса, я иду вдоль дороги, пытаюсь найти более – менее чистую лавчонку. Наивный. Чистые в них только зубы хозяек, широко показываемые в дефиле заманивающих улыбок долгожданным покупателям. «Так вот оно в чем дело!», – вдруг осеняет меня уже вторая за день гениальная догадка: – «Вот они-то, хозяева кормежек, и есть главные интересанты закладываемых поперек шоссе баррикад!». Ладно, ничего личного, улыбаюсь я в ответ и покупаю еще одну алюминиевую банку с жидкостью. На сей раз это пиво.

К концу дня в горах свежеет. На этой высоте температура может ночью опускаться до 8—10 градусов по Цельсию, резко контрастируя с климатом лежащих в каких-нибудь ста километ-

рах отсюда долин. Долины эти дивные, некогда сплошь покрытые непроходимой сельвой, простираются от центрального altiplano (плоскогорья) через весь Юкатан на север вплоть до мексиканского Канкуна, и на восток до побережья Белиза и Гондурасского залива. Натянув на себя свитер, я не спеша потягиваю пиво, грызу любимые мной орешки мараньона (которые в России зовут кешью), а темнота тем временем уже наступила.

В горах смена дня и ночи происходит быстро, я бы даже сказал – стремительно. И далеко не во всех деревнях есть электричество. Солнце резво выныривает из-за вершины на рассвете, побуждая обитателей земных к исполнению дел насущных, и так же резво ныряет за какую-нибудь горную сьерру на закате, оставляя бедолаг на вынужденное бдение при свечах.

Неожиданно по встречной полосе с заунывным воем пролетает полицейская машина, по пятам за ней мчится скорая помощь, по-местному – ambulancia, и народ, повинувшись выработанным годами рефлексу, начинает резво подтягиваться к автобусу, дожидывая на ходу. Шофер тоже быстренько поднимается в кабину, заводит мотор и сигнализирует замешкавшимся пассажирам, побуждая их к повышению посадочной активности. Наконец, все рассаживаются, и мы медленно трогаемся, нагоняя уже отъехавший метров на пятьдесят от нас грузовик с ласковыми печальноглазыми буренками. Они салютуют нам жалобным мычанием, как товарищам по несчастью. Двигаемся шагом километр, другой... Начинает налетать дымок с характерным привкусом жженой резины, разноцветные мерцающие огни припаркованных машин полиции и пожарных всполохами освещают окрестности. Клубы дыма увеличиваются, и мы таки проезжаем злополучную баррикаду. Полицейский в шлеме с поднятым защитным стеклом и мотоциклетных крагах по локоть пытается регулировать любопытных водителей, притормаживающих, чтобы получше разглядеть горящие декорации прошедшего представления.

У него это плохо получается, он то и дело раздражается заливыстыми трелями, потом выплевывает свисток изо рта (средство явно не оправдало себя), что-то орет очередному водиле прямо в ветровое стекло его кабины, и мы, наконец, оставляем позади репетиционную сцену маленькой гватемальской революции. В облепившей мир темноте въезд в город происходит незаметно, втихую, и только яркий фонарный свет над начавшейся двух-полосной магистралью с бульваром посередине оповещает нас о том, что цель близка. Довольно быстро доезжаем до центра города.

Он похож на все центры колониальных столиц бывшей испанской мега-империи. Прямые, сдавливаемые под бока только природным рельефом, кварталы с двух и трехэтажными каменными домами, узкие улочки с односторонним движением, и кучи бытового мусора повсюду. Весь город для удобства разбит на административные зоны, и мы, если не ошибаюсь, прибываем как раз в Первую, куда-то неподалеку от железнодорожного вокзала. Народ пообеспеченнее редко появляется в таких «исторических» местах, разве если посещает в случае крайней нужды какой-нибудь офис, да собственный магазин или гостиницу, доставшуюся по наследству от прадедушки. Гуляют по тесному центру обычно только экзальтированные и не до конца оципаные пронырливыми карманниками туристы. Постоянные обитатели современных центров латиноамериканских столиц – это, в основном, мелкие клерки, занесенные в Красную книгу владельцы колониальных домов, наемные рабочие, да местные индейцы. К ним я и обращаюсь с невинным вопросом о месторасположении ближайшего отеля. Но индейцы в соломенных шляпах и индейки в ярких одеждах с торчащими из-за их спин глазастыми сопливыми детьми, кажется, совсем не понимают по-испански. Или не ночуют в отелях. А может, просто считают ниже своего индейского достоинства разговаривать с первым встречным гринго в вызывающе коротких шортах. Попробовав повторить попытку еще пару раз с тем же успехом, я решаю в поисках ночлега просто пойти «вдоль по Питерской»! Или там, вдоль по Cuarta Avenida hasta la Septima Cal e. Куда уставшие ноги выведут!

Ноги выводят меня, перво-наперво, к кучке человеческих экскрементов прямо на углу узенького тротуара. Приходится сойти на мостовую и вообще включить расширенное скани-

рование местности, включающее как вывески заведений надо мной, так и поверхность под ногами. И что бы вы думали? Не проходит и пары кварталов, как за углом показывается вполне себе приличная, по крайней мере, на первый взгляд, двухэтажная гостиница. Заходим. Чистенько, вежливо, double всего 40\$ за ночь, включая завтрак. А что еще надо уставшему за долгий-предолгий день путешественнику, да к тому же едва не ставшему невольным свидетелем начала свежеиспеченной гражданской войны? Благодарю Бога за конец дорожных испытаний, принимаю душ и укладываюсь спать. Завтра меня ждет первая, и до сего дня единственная, столица всей Центральной Америки, а точнее —Генерал-Капитании Их Все-христианнейших Величеств Католических королей Кастилии и Леона, и Арагона, etc, etc, Изабеллы и Фердинанда – славный город Антигуа.

Антигуа

Оказывается, что с той же площади, куда мы прибыли поздно вечером накануне, автобусы отправляются почти во все департаменты страны. По крайней мере, именно такую информацию мне выдает набриолиненный до зеркального блеска и улыбающийся самым искустельным образом ресепшионист приютившего меня отеля. Я сердечно благодарю услужливого парня, прошу убрать номер и заказать мне на послепослезавтра авиабилеты в город Флорес, раскинувшийся на берегах славного озера Итца. Сам Флорес, равно как и озеро, меня ничуть не интересуют, а вот находящийся в часе езды от них город-государство древних майя Тикаль давно уже является предметом волнительных мечтаний.

Выхожу на улицу, вспоминаю, откуда и каким ветром меня вчера сюда занесло, и с уверенностью направляюсь в сторону автобусной остановки. Увы, утро отнюдь не украсило ярким светом, как «стены древнего Кремля», узкие столичные улочки. Только всяческий мусор, да еще похожие на вчерашнюю кучку продукты жизнедеятельности человека и животных становятся заметнее, а значит, и безопаснее для праздных гуляк, вроде меня, при дневном свете. И на том спасибо. Быстро нахожу нужную площадь, спрашиваю у каких-то ладино, где здесь автобус на Антигуа, они дружно машут руками в сторону, и я вижу свое транспортное средство. Восторг предвкушения экскурсии от вида древнего, похожего на спичечный коробок автобуса, напоминающего блаженной памяти отечественные ПАЗики, тут же куда-то исчезает. Да, это явно хуже того, на чем я добирался в столицу накануне.

Интересно, а как у этого ископаемого обстоят дела с тормозными колодками? Осторожно захожу в автобус, осматриваюсь по сторонам и, обнаружив помимо себя, еще нескольких представителей белой расы, немного успокаиваюсь. В самом деле, если другие европейцы и гринго не побоялись залезть в это чудо времен второй мировой, то чего же и мне беспокоиться? Как-никак, мы из «Расеи, от Волги и до Енисе-е-еяяя!», как справедливо выразилась когда-то после удачного опохмела одна наша звезда эстрады. Ждем, пока коробочка не заполнится до отказа такими же, жаждущими свидания с древней столицей Генерал-Капитании, туристами и едущими по своим бизнес-делам ладино.

На самом деле, заполнение происходит довольно таки быстро. И это хорошо. Потому, что, не прождав и получаса, нам внутри уже становится нечем дышать. Народу набилось порядочно, солнце стоит почти в зените, металлическая крыша прокалилась до уровня готовой к жарке блинов сковородки, а окна у этой кастрюли явно предназначены к поездкам по гораздо менее солнечному и гораздо более ветреному Иллинойсу.

Наконец, шофер заводит мотор и трогается, даже не захлопнув входной двери. Из её зияющего проема вскочивший уже на ходу в автобус кондуктор продолжает зычно звать пассажиров до Антигуа. Не знаю, как чувствуют себя те, кто залез в автобус последними, но я, сидя где-то посередине салона, на безопасном расстоянии от дверей, благодарю небеса за потоки орошающего мое употевшее тело свежего воздуха. А высунувшийся из двери по самое некуда дальше кондуктор, или по-местному – *sobrador*, вообще должен себя ощущать, как в гамаке меж двух сосен на склоне горы! Автобус, нырнув под узкий мост, выезжает на бульвар, густо засаженный деревьями, декоративными кустарниками и всякими разными коммерческими зданиями. Банки, автосалоны, супермаркеты, кабинеты пластической хирургии, частные стоматологические клиники и прочие престижные заведения облагородили, как умели и насколько им позволил их «скромный» бюджет, пространство возле своих офисов. Час не ранний, но на выезде из города практически нет пробок, как на полосах встречного движения, ведущих туда, откуда мы недавно вырвались. Дорога после бульвара карабкается вверх, петляет между утопающих в густейшей зелени особняков и элитных жилых комплексов. Что ж, похоже, здесь, как и везде кроме Москвы, народ побогаче бежит из центра в пригороды,

спасаясь от грязи, вони, тесноты и надоедливых попрошаек, будь они коммивояжеры, страховые агенты или просто нищие.

Через несколько минут с левой стороны открывается потрясающий вид на обрамленную горными грядками долину с втиснутым в нее со всего размаху мегаполисом, поневоле заставляя отвлечься от дороги и околорожного архитектурного великолепия. А она, дорога, определенно заслуживает к себе самого пристального внимания и не прощает даже легкого пренебрежения к своей персоне. Напоминанием о неотвратимом наказании за измену служат два сгоревших дотла остова грузовиков на дне придорожного ущелья. На начавшемся через какое-то время спуске то и дело попадаются предупреждения, типа «тормози мотором» и «до аварийного съезда 200 м», после которых ответвления уводят в сторону от шоссе и заканчиваются резким подъемом или просто грунтовой насыпью для принятия удара всей аварийной машиноморды с разбега. Повороты по ощущениям становятся все больше похожими на витки центрифуги, и на каждом из них автобусная белолицая компания ухает, как на аттракционных каруселях, а бывалые ладино только посматривают на бесполезных гринго, да посмеиваются себе в щегольские усы.

Наш Шумахер, похоже, и не собирается притормаживать даже тогда, когда на очередном центрифужном витке колеса с одной стороны его болида почти отрываются от полотна, и кто-то, явно беременный, вскрикивает утробным голосом от испуга. Едва не вывалив на обочину содержимое своей коробочки вместе с роженицей, приплодом и азартно ухающими бледнолицыми, водила таки доводит автобус до длинного прямого участка, в конце которого асфальт сменяется брусчаткой. Слава Богу, что от новой столицы страны до старой всего-то около часа езды, было бы больше – я бы точно забрызгал кого-нибудь из моих соседей гостиничным завтраком! На брусчатке шофер тотчас сбрасывает скорость, и мы почти сразу же оказываемся на тихой улочке среди высоких деревьев, скрывающих в своей тени каменные заборы старых монастырей и конвентов. Вековое спокойствие колониального городка и его, будто застывшая в напоенном кипарисами воздухе, отрешенность от всяческой земной суеты утихомиривает на минуту даже буйных гринго.

Тишина, однако, остается лишь приятным воспоминанием после долгожданной высадки из автобуса на рыночной площади недалеко от исторического центра. Впрочем, рынки и рыночки в этом, ставшем туристической Меккой Гватемалы, городе самообразуются под неусыпным руководством местного начальства везде, не только в центре. Особенно там, где есть открытые для всеобщего обозрения достопримечательности и толпы голодных на впечатления иностранных туристов. И того, и другого здесь хватает. Помимо центральной площади с ее обязательным кафедральным собором, дворцом капитан-губернатора и *ayuntamiento* – ратушей, город изобилует соборами поменьше, часовнями, религиозными колледжами и прочими старинными зданиями, создающими полную иллюзию пребывания в испанской колонии времен пост конкисты. Усаженные вековыми сейбами, кедрами и высоченными королевскими пальмами дворы и улицы старых кварталов прелестно вписываются в общий ландшафт долины, обрамленной по периметру зеленеющими и, на первый взгляд, такими умиротворенными седыми вулканами.

Мир этого городка, основанного через несколько лет после завоевания Теночтитлана Кортесом, тем не менее, нарушался подземными силами не раз и не два. Да так, что в XVI I веке, после очередного землетрясения, забравшего жизни почти всего наличного населения, включая испанских чиновников, столицу решено было перенести в то место, где она по сию пору и находится. Да и какой мир мог существовать в городе, заложенном ближайшим сподвижником вора, предателя и несостоявшегося висельника Кортеса, его талантливым подражателем доном Педро де Альварадо? Или, как его прозвали сжигаемые и отдаваемые им на растерзание псам индейцы гватемальского плоскогорья – Рыжим Педро.

Вообще, этот персонаж был весьма примечателен (даже среди безвозвратно дуревших от близости золота испанцев!) не только своей патологической жадностью и жестокостью, но и своей, прямо таки дьявольской, ловкостью. Когда восставшие майя хотели пустить рыжебородому кровь с целью облегчения выхода его грешной души из брэнного тела, тот воспользовался копьем, как шестом для прыжков в высоту, и таким вот неслыханным доселе методом упорхнул от своих краснокожих лекарей!

Сиганул дон Педро, наверняка, не хуже, чем сейчас это делает несравненная Елена Исинбаева, перепархивая с неземным изяществом через очередную планку. Но, надо отметить ради исторической справедливости, что сотворил он сей кульбит гораздо раньше, чем это стала проделывать прекрасная Елена. Вот таким весьма изящным способом дон Педро и вышел, или, вернее, вылетел в тот раз сухим из воды, а подвиг его вошел в анналы, как «прыжок Альварадо». Онемевшие от изумления индейцы так и застыли в столбняке, забыв о самой цели проводимого ими мероприятия.

Очнувшись, бедолаги даже и не подумали догонять родоначальника нового вида спорта, наверно, сразу приняв испанца за земное воплощение их бога, пернатого змея Кетцалькоатля. Упокоился прыгающий змей дон Педро уже в Эквадоре, сброшенный наземь собственной лошастью, непожелавшей более носить на себе такую мразь. А эпитафию ему, да заодно и всем прочим Кортесам, Писарро, Бальбоа и Педрариасам, написал монах-доминиканец Бартоломео де Лас Касас в своем фундаментальном труде «История Америк», метафорически отправив ненасытных идальго прямоком туда, откуда они повыползали на Землю. То есть, в ад. Сним, кстати, несогласился один из индейских вождей по имени Атауэй. Будучи плененным конкистадорами и подготовленный к поджарке заживо, этот мудрый воин был исповедан перед казнью каким-то монахом, обещавшим ему в случае его добровольной баутизации отправиться сразу после сожжения в рай. «А куда отправятся после смерти испанцы?» – спросил дальновидный вождь.

«Тоже в рай!» – отвечивал священник.

«Ну, тогда я предпочту ад», – сказал Атауэй и не стал креститься. Как бы то ни было, именно дон Педро де Альварадо, этот новоиспеченный Генерал-Капитан и стал отцом-основателем Антигуа. На месте первого поселения, стертого брезгливой отрыжкой вулкана почти сразу же после его возведения, сейчас находится деревня по имени Vil a Vieja. Ну, а после дон Педро, убежавшего искать себе на одно место новых приключений, городом продолжала править его жена, донья Беатрис де ла Куэва (кстати, родная сестра предыдущей его избранницы). И правила она им вплоть до того момента, пока окончательно потерявший терпение вулкан Агуа, вняв горячим мольбам индейских жрецов, не смыл недавно перенесенный в новое место город (а заодно и всю капитанскую семейку!) мощным потоком из грязи, лавы и камней. Отстраиваемый не раз заново и недавно отреставрированный Министерством туризма Гватемалы, городок сейчас привлекает множество таких, как я, любителей приключений со всего белого света. Исторический центр изобилует не только свежевыкрашенными колониальными зданиями, но и молодежными *hostel* (общежитиями), берущими со своих гостей чисто символическую плату за койко – место. Правда, атмосфера этих общаг, напоенная в любое время дня и ночи дымком от *colitas* и гитарным перезвоном, может и не понравится некоторым состоятельным туристам. Но их туда никто и не тащит. Несите ваши денежки в «*Ramada*» и «*Holiday Inn*», если вам так хочется. А вот я, если приспичит, остановлюсь сегодня здесь.

В Антигуа полным-полно кафе, уютно свернувшихся в *ratio* двухэтажных особнячков в андалузском стиле. Небольшие дворики, убранные яркими драпировками из тканей, производимых прямо на улице за углом, журчащий посреди фонтанчик, неспешнодвигающиеся *tuchachos* с полотенцами за поясом – все это умиротворяет, настраивает на созерцательно-философский лад. В кафе подают настоящий, выращенный неподалеку и высушенный под солнышком прямо на придорожной обочине, кофе и горячий *chocolate* (шоколад) – люби-

мый напиток доколумбовых обитателей высокогорных плато Мексики и Гватемалы. По преданию, шоколад был подарен людям вместе с кукурузой в доисторические времена пернатым богом Кетцалькоатлем. Я обожаю неспешно смаковать шоколад в таких местечках, перемещаясь вместе со своим пополняемым по умолчанию термобокалом под широким, протянутым по всему периметру второго этажа балконом, защищающим обитателей *ratio* от прямых солнечных лучей в любое время дня. По вкусу шоколад напоминает какао, поскольку приготовлен из семян этого тропического плода, но, в отличие от одноименного напитка, он более горек. И намного более тягуч.

Ацтеки и майя пили его в особых случаях, празднуя победу над соседями или оказывая почтение гостю. «Вообще, в процессе дегустации любого напитка, неплохо было бы еще и сервировать для полноты ощущений воздух той местности, где он, напиток этот, был произведен. Без этого оценка вряд ли будет адекватной», – так размышляю я до тех пор, пока на дне чашки не остается только коричневая гуща.

На небольшой площади напротив кафе несколько женщин киче разложили лотки с произведенной ими продукцией. Чуть поодаль две их соплеменницы ткут свои ярчайшие ткани, привязав готовый кончик стволу королевской пальмы и периодически передвигая планку с новым переплетенным слоем к нему наверх. Наверно, так же делали их прапрабабушки еще в те времена, когда всякими рыжебородыми донами и *ruso turista* здесь и не пахло. Я пытаюсь заснять на камеру процесс появления на свет скатерти или что там еще выйдет из куска материи, но ткачиха оборачивается ко мне в полный анфас и одаривает таким взглядом, что я срочно начинаю хотетькупить у нее что-нибудь.

«I come to you, people, with peace»! А то ведь, не дай Бог, так и новое восстание против бледнолицых захватчиков спровоцировать недолго. И, как показал вчерашний инцидент на дороге, восстания здесь вспыхивают с неподражаемой легкостью, ну, прямо как сухой порох в жестяной пороховнице. Перетряхнув поудобнее ребенка в куске ткани у себя за спиной, женщина не спеша поднимается с колен, подходит и наотмашь заламывает такую цену за приглянувшиеся мне скатерть и салфетки, что я даже не хочу и пробовать торговаться, как здесь принято.

Видимо, моя камера нанесла ее индейской идиосинкразии такой урон, что это даже затмило естественное желание нажиться на любопытном гринго. С позором ретируюсь, оставляя победительницу наедине с ее монотонной работой, сопливыми детьми и кучей продукции, похожей, как две капли воды, на товар ее соседки. У которой я и покупаю все понравившееся мне почти в полтора раза дешевле.

Дело идет к вечеру, повторять в сумерках утренний аттракцион надрыхлом ПАЗике мне решительно не улыбается, и я окончательно решаю остановиться здесь на постой. Иду в давешний хостел с франко-немецко-голландской компанией, отдаю неулыбчивой (кто ж улыбнется за 8\$ с носа!) хозяйке деньги, знакомлюсь с некоторыми обитателями ночлежки и решаю угостить этих милых ребят местным пивом. От *colita*, в честь знакомства предложенной мне долговязым немцем по имени Патрик, благоразумно отказываюсь, ссылаясь на то, что я вообще не курю. Ребята и девчата в количестве 5—6 человек натягивают на себя, что есть под рукой, похоже, не заморачиваясь особо по поводу того, кому из компании принадлежат одеваемые вещи, залезают в одинаковые адидасовские сандалии, и мы выходим «дружною толпою на дорогу к водопою». Во дворике ночлежки я заметил, помимо развешанной там и сям сохнувшей одежды, ржавую бочку, доверху наполненную пустыми банками из-под пива. Прикинув, что моя команда тоже должна была поучаствовать в ее наполнении, я прошу ребят довести меня кратчайшим путем до магазина, где можно недорого приобрести желаемый наполнитель, а также, в нагрузку, сопутствующие ему товары.

Так, с шутками и прибаутками на разных языках, мы в сумерках подходим к небольшому магазинчику. Хозяин, кстати, уже было собирался его закрывать, ибо расположен он несколько

на отшибе, а ночью в Гватемале даже в туристическом городке можно запросто лишиться не только всей дневной выручки, но, иногда и жизни. Крупные магазины и заправки, рестораны и дискотеки, работающие по ночам, всегда охраняются или вооруженными М-16 и АК-47 полицейскими или военизированной стражей. Надо отметить, что честь оберегать частную собственность предоставляется только мужчинам ладино. Деревенских сторожей из индейской глубинки с мачете и берданками, заряженными солью, в охранники не берут. Не по Сеньке шапка.

Под одобрительные возгласы моих новых знакомых я прошу хозяина дать мне 5 six-pack лучшего местного пива, соленых орешков мараньона и кукурузных чипсов. «Gal o es lo mejor!» – подсказывают ребята. Я не сразу догоняю, при чем здесь петух (gal o), но когда вижу на прилавке первую упаковку пенного напитка, понимаю, что это есть марка местного пива, признанная моими новыми товарищами достойным потребления. Кстати, рекомендую, граждане – отличное светлое пиво, совсем не крепкое, с ярко выраженным солодовым вкусом.

Затемно возвращаемся в ночлежку. Освещены только центральные улицы, но и на них как-то уж совсем мало гуляющего народу. Только пара похожих на нашу компаний, еще не отвыкших от гарантированной европейской безопасности в отнюдь не безопасной Центральной Америке, попадаетеся нам по дороге. Европейцев, особенно кто помоложе, криминогенная обстановка в местах их туристического пребывания, как я заметил, мало беспокоит. Весьма сдержанные и осторожные в контактах с местными, эти ребята, тем не менее, в своей компании стремительно меняют код общения и чувствуют себя как дома. Подготовленная разными пособиями к переговорам с аборигенами путем обтекаемых фраз, путеводителями, очерками, форумами и рассказами «бывалых», молодежь приезжает в страны, подобные Гватемале, не столько за историческими ценностями, сколько за экзотическими тусовками. Свобода отродительского надзора (даже большая, чем в Европах!) новые места, новые знакомства, эксперименты и случайные связи, словом, la vida loca – вот что влечет половозрелых тинэйджеров в далекие от дома края. И отрываются они тут по полной, в чем я лично смог убедиться и в ту ночь, проведенную в задрипанном хостеле, и в другое время в других местах.

Чимальтенанго

Оставив позади колониальные красоты и божественный *chocolate* Антигуа, я вернулся в столицу. Номер в знакомом отеле терпеливо ожидал моего возвращения из грязного хостела. Какое наслаждение помыться в теплой воде и лечь на свежие простыни! Какое счастье, что я не подцепил какой-нибудь грибок или еще чего похуже в месте моего последнего ночлега! Однако оставаться в метрополии мне совсем не хочется. С постколониальной архитектурой столичных учреждений я уже успел ознакомиться, исторические музеи меня неинтересуют, а более в этом городе смотреть особо нечего. Разве что вечером на петушинные бои сходить или в арткафе местных артистов послушать, как порекомендовал мне услужливый до самозабвения ресепшионист. Благо, оно, это самое кафе, тут буквально в двух шагах находится – не заблудитесь, мой господин! Арткафе встретило меня огромным постером работы какого-то местного художника с призывом «Будь твой партнер хоть ангелом – используй презерватив!» и изображением двух атлетических, а la Michelangelo Buonarot i, мужских тел в одной из поз Камасутры. Остаться на вечерний спектакль почему-то сразу же расхотелось. Но подождать придется, так как сюда должен был заглянуть через часок один из сотрудников местных НПО (неправительственных организаций), которые работают с индейцами майя в разных департаментах страны. Я заранее позвонил ему в офис и попросил о встрече на предмет посетить, так сказать, гватемальскую глубинку и пообщаться с коренным населением. Леопольдо, так звали моего визави, оказался невысоким молодым человеком лет этак 30—35, с черными, как смоль и заплетенными в косу, волосами, орлиным, как на каменных барельефах в Паленке, носом и почему-то (наверно, из-за работы в НПО) в техасской ковбойской шляпе. Возможно, его организация финансируется каким-нибудь частным фондом из Техаса, и шляпу ему преподнесли в качестве сувенира. Не знаю. Я из деликатности забыл спросить.

Он осторожно со мной познакомился и вообще предпочел помолчать, пока я, представив «рекомендательные письма и отзывы», а также используя все свое красноречие, не объяснил ему, чего я, собственно говоря, добиваюсь. Переспросив раза два, как бы ненароком, не связан ли я с правительством страны, и получив отрицательный ответ, он, наконец, немного оттаял и даже милостиво принял предложенный мною кофе. Индейцы, безусловно, имеют полное право быть недоверчивыми к чужеземцам в этой стране.

Начиная с испанских конкистадоров, уничтожавших коренное население просто с тоски и несварения желудка, и кончая американцами, которые очень активно зарабатывали тут себе на новые небоскребы в Цинциннати, практически все белокожие приходили в эти края только с одной целью – пожить. Так что стоило немалых усилий убедить моего собеседника в том, что я просто очень любознателен от природы и с детства мечтаю посетить одно из этих бесчисленных «нанго», расположенных на *altiplano* – плоскогорье. Леопольдо первый раз за весь разговор улыбается и сообщает мне, что приставка «тенанго» на языке майя означает буквально «на плоскогорье», а посему Кетцальтенанго, Чичикастенанго, Масатенанго, Уэуэтенанго и прочие просто указывают на местоположение этих городков относительно уровня моря.

«Завтра в Чимальтенанго будет проходить церемония выбора новой королевы майя», – сообщает он мне, – «Если хочешь, можем съездить, у меня там тоже есть дело».

Охота была спрашивать! На следующее утро Леопольдо заезжает за мной в отель на своей «Тойоте» *con raiá* (открытый кузов пикапа), и мы отправляемся в путь. Такие авто очень популярны у небогатых земледельцев в здешних краях. Жалко, что эту модель японцы уже давно сняли с производства. Мотор объемом всего в 1000 кубических сантиметров позволяет существенно сэкономить на постоянно дорожающем горючем. Однако, несмотря на свой скромный аппетит, в горку он нас тянет довольно таки уверенно. А в кузове можно перевозить практически любые полезные грузы – от строительных материалов и овец, до людей. Только привязать

к бортам покрепче, чтобы на повороте в кювет не повывлетали, болезные, и – *vamonos, amigo!* Пока едем, Леопольдо рассказывает о том, что майя только кажутся единым народом. На самом деле, они подразделяются на несколько племен, которые в далеком прошлом жили внутри и вокруг таких городов-государств под чутким руководством локальных царьков и жрецов, и частенько враждовали друг с другом. Вплоть до вырезания обсидиановым ножиком, без анестезии, сердец из живых еще, но попавшихся в плен противников из соседних городов. Когда-то этим обстоятельством не преминули воспользоваться хитромудрые испанцы, стравливая враждующие племена и уничтожая чужими руками своих потенциальных соперников.

Divide et impera! Так, Какчикель, в гости к которым мы направляемся, когда-то воевали с Киче. А Кекчи вообще и с теми, и с другими! И даже испанцам они покорились только через двести лет после начала конкисты, сдав свою столицу Петен-Итца (теперь это современный Флорес), последний независимый на Юкатане город, аж в 1697 году.

«А откуда тогда взялась королева?» – спрашиваю я своего гида после очередного поворота, заставляющего меня судорожно схватиться за ручку автомобильной двери и вспомнить позавчерашнюю поездку в Антигуа.

И он мне рассказывает, что это скорее символическое мероприятие, чем реальная коронация. Как конкурс красоты у нас, только по-индейски. Я задумываюсь на секунду, но почему-то так и не могу себе мысленно представить гордую индейку Какчикель, разгуливающую под свет софитов в бикини по подиуму. Наверно, она должна выглядеть, как крутобедрая кинозвезда Голливуда мексиканка Салма Хаек, не иначе. Любопытно будет поглядеть! Леопольдо терпеливо поясняет, что традиция существует с древних времен, когда девушек посредством этого конкурса отбирали для участия в священных ритуалах жрецов майя. Существовал даже особый танец – *ak'ot*, представлявший трансмутацию танцующих в божества, служащие своего рода проводниками для установления контакта между реальным и потусторонним миром. Контакт этот очень важен даже для нынешних майя, как своего рода страховка под залог будущего урожая, продолжения рода, удачной сделки и т. п. А уж для древних это был просто основополагающий элемент их бытия, обуславливающий принятие или непринятие буквально всех судьбоносных решений в жизни народа. И поскольку быть проводником и связующим звеном между мирами есть поистине непосильное бремя для простого смертного, то работа эта была, как правило, сезонной и весьма скоротечной. За вредность на производстве в то время еще не додумались платить компенсации, всяких там санаториев-профилакториев, надо полагать, тоже не существовало, и бедные избранницы сгорали на работе, как свечи перед рассветом. Удостоверившись, что танцовщицы выполнили свою миссию по отслеживанию прохождения космических и земных временных циклов, и что ходатайство перед богами о благоприятных для народа решениях было услышано и благосклонно принято, жрецы устраивали новый конкурс красоты на замещение вакантных должностей. Совсем как в современном мире.

– Слышал ли ты об эпосе нашего народа – «Пополь Вух»? – спрашивает Леопольдо. Я признаюсь, что слышать-то слышал, но читать вот не читал. – Там говорится обо всем в этом мире, – кивает он понимающе. – О том, как этот мир был сотворен, как с трех попыток из разных ингредиентов были созданы люди и как они эволюционировали. Это местами даже похоже на ваш ветхозаветный Гenezис! – улыбается он.

– А иногда напоминает индийскую «Махабхарату» с ее такой земной борьбой за власть при активном участии неземных сил. Пораженный в самое сердце эпическими познаниями простого *guatemalteco*, я ничего ему не отвечаю по существу и только мычу что-то о том, что надо будет непременно почитать «Пополь Вух» при случае. К счастью, мы уже подъезжаем к Чимальтенанго, и это спасает меня от стыда дальнейшего испытания на знание эпосов великих народов древности.

Леопольдо напоследок дает инструкции по вопросам поведения в городе и немного обрисовывает особенности социального устройства современных майя. Оказывается, индейцы

эндогамны, то есть не смешиваются в браке с другими племенами, хотя сейчас эта традиция все больше утрачивает силу, и уже не редкость браки и с креолами, и с ладино. (Только про белых он почему-то умалчивает, и я сразу вспоминаю давешнюю гордую индейку из Антигуа!). В городах это проявляется в особом устройстве жилых кварталов, где несколько родов застраивают каждый свое собственное обособленное пространство, как правило, примыкающее острым углом к центру. А центр, в который мы уже как бы въехали, начинается прямо с автобусной остановки напротив Pol o Campero, местного гриля, импортированного, как и весь ресторанный fast food, из США. По заверению Леопольдо, все, что примыкает к центру и находится под присмотром вооруженной полиции, является относительно безопасным местом для прогулок. В дневное время. В другие кварталы, ревностно охраняемые околоточными надзирателями с мачете и свистками, заходить без сопровождения не рекомендуется. Просто чтобы не привлекать к себе повышенного внимания.

«А как же насчет пообщаться с народом?» – спрашиваю я Леопольдо.

Тот меня успокаивает – мол, всему свое время.

Ладно, приглашаю я его в Pol o отведать этих самых цыплят, поджаренных местными поварами по американской технологии, с картошкой фри и кетчупом в пакетике. Он с видимым удовольствием соглашается, и мы, таким образом, убиваем еще час праздности. Потом отправляемся в невзрачный отель неподалеку, где с меня молча берут 20 баксов, без просьбы предъявить паспорт и «прочих формальностей», и выдают ключ от комнаты на втором этаже. А там уже и вечереть начинает, так что нам пора выдвигаться к католическому колледжу, где будет проходить ежегодная церемония избрания королевы маяя – Rumiál Maya ВОко. Пока идем туда неспешным шагом по немощёной улочке, я со всей очевидностью начинаю осознавать, почему Гватемалу считают самой густонаселенной страной этого региона. Рабочий день только что закончился, и подходящие один за другим автобусы ежеминутно извергают из себя толпы наемных тружеников, торопящихся домой к своим семьям. Они все для меня на одно лицо – низкорослые, черноволосые, в одинаковых рубашках и соломенных сомбреро (только у Леопольдо импортный вариант!),двигающиеся в неизменном режиме по своим ритуальным тропам уже несколько веков. Японские авто и американские рестораны вторглись в их быт, как ледокол в торосы Арктики, или, если хотите, как римский акведук в жизнь Владимира Владимировича Маяковского – «весомо, грубо, зримо», но так и не смогли поменять их жизненный уклад. А еще я пытаюсь понять, почему в Латинской Америке индейцы всегда предпочитали жить в горах с их гораздо более суровым климатом и каменистой землей? Так происходит и в соседней Мексике, и в далеких Боливии, Перу и Эквадоре. То ли климат тому причиной, то ли непроходимая сельва с ее избыточно-кислотными почвами, но население горных частей этих стран всегда преобладало над равнинным. Отсюда, кстати, и причина межплеменных конфликтов всех времен, доколумбовых и послегринговых – нехватка земель для посева при постоянно растущем населении. Леопольдо пережил все прелести гражданской войны, тлевшей в этой стране, точно торфяники под подмосковным Воскресенском, десятилетиями. Сейчас, после падения берлинской стены и окончания идеологического противостояния между США и СССР, brave американцы и уставшие от соревнований россияне более не поддерживают марионеточные правительства инкубационных диктаторов, и это снижает общий накал страстей. И, хотя нынешние «генералы банановых республик» и по сей день продолжают успешно использовать наработанные технологии контроля вечно недовольных чем-то простолюдинов, времена, тем не менее, меняются в лучшую сторону. А уж после присвоения Нобелевской премии мира чистокровной индейке маяя Ригоберте Менчу, бдительное око правозащитных организаций зрит в оба и, чуть что, сразу подымает волну в СМИ, не позволяя местной элите вволю, как бывало в незабвенные 70—80е годы прошлого века, покуражиться над простым человеком.

Доходим с Леопольдо до колледжа. Оттуда доносятся звуки маримбы, инструмента, похожего на ксилофон, только гораздо более массивного и сложносоставного. И длинного настолько, что играют на нем сразу несколько человек! Ее предок приехал сюда из Африки вместе с чернокожими рабами, да так понравился выведенным впоследствии путем скрещивания с местным населением креолам и метисам, что стал воистину их народным инструментом. И напрасно негры-гарифуна претендуют на выплату им авторских прав по родовым патентам – всем многочисленным ансамблям маримбистов на их притязания глубоко наплевать. Внутри колледжа, а, если точнее, на его баскетбольной площадке, сооружен обширный деревянный подиум, роскошно задрапированный уже знакомыми мне тканями ручной работы и полотнами с национальной символикой Гватемалы. Подиум сделан в форме буквы «Т», на одном конце головы которой расположилась трехчастная маримба, вкупе с метровым тамбором и маракасами, а на другом стоит стол для жюри, или как оно там в таких церемониях называется. Претендентки должны пройти от основания «буквы» до ее макушки и там остановиться и постоять в ожидании всестороннего осмотра приемной комиссией. Какой-то мужик в белой рубашке с расстегнутым воротом что-то говорит в микрофон, стоящий у жюри прямо на столе. Звучат слова на непонятном мне языке, и я прошу Леопольдо перевести мне их смысл.

«At Tzáqol, at Bítol!» – это обращение к нашим богам, – поясняет он. – Мы просим их о мире, о помощи, о прямом пути, о рассвете, о продолжении жизни и так далее.

Это молитва». Так, понятно.

– А кто мужик? – Алькальд Чимальтенанго.

– А где же конкурсантки?

– Терпение, еще даже жюри не вышло. Тоже понял.

Ждем-с..

Выступают с приветственным словом еще несколько человек, выходит и представляется персонально жюри, занимают свои места победительницы прошлогоднего конкурса (как здорово, что теперь они не участвуют в сакральных ритуалах!) и объявляется, наконец, выход первой претендентки. Она неторопливо поднимается по ступеням на подиум, подобрав подол своей длинной юбки, и ждет, когда маримба начнет ей аккомпанировать. Мы с Леопольдо сидим во втором ряду трибуны, прямо напротив середины подиума и посему имеем великолепный обзор. Девушки, поясняет мне мой гид, должны сами сшить себе конкурсные облачения из ими же сотканного полотна. Наряд этот закрывает скромниц от людских взоров полностью, от легких сандалий из свиной кожи – *caitas* – вплоть до самой головы. Снаружи буквально остается только одна эта самая голова, и даже глаз на ней, ну, никакой возможности разглядеть нету, поскольку они стыдливо потуплены в пол!

Конкурсантка темвременем дождалась начала музыкального сопровождения и медленно двинулась по помосту навстречу своей судьбе. Шаг ее замысловат, с пританцовыванием в такт музыке, с полуоборотами на обе стороны подиума – ни дать, ни взять Царевна-Лебедь!

Только что крыльями, то есть, пардон, рукавами не взмахивает. При полуоборотах из-под накинутой на плечи шали приоткрывается белоснежная блуза или, точнее, верхняя часть нательной рубахи – *cipri*, а огромные золотые серьги, нещадно оттягивающие мочки ушей индейской красавицы, слегка покачиваются. Чтобы серьги эти были хорошо видны всем присутствующим, черные волосы не просто убраны в тяжелые косы, но еще и аккуратно уложены поверх головы.

А венчает эту Эйфелеву башню сложноописуемый головной убор, больше всего напоминающий мне причудливо уложенную штуку полотна в текстильном магазине. Такая конструкция заставляет юную деву держать свою голову в строго вертикальном положении, в точности так, как это делали придворные дамы на версальских куртагах Короля-Солнца! Дойдя, таким манером, примерно до середины помоста, претендентка неожиданно останавливается. Музыка тоже замирает на полупhrазе, с поднятыми над маримбой палочками (наверно, все-

таки волшебными!), и на этом взмахе маримбистов в зале возникает неожиданная тишина. Что-то сейчас будет? Я забываю до конца закрыть свой, только что говоривший о чем-то рот, и жду что-нибудь типа «алле, ап!» Но, вместо каскадерского трюка, красавица делает пол-оборота в сторону жюри, медленно нагибается в полупоклоне, и в тот момент, когда серьги полностью закрывают ее щеки и кажется, что Эйфелева башня вот-вот рухнет с головы на подиум, грациозно выпрямляется! Маримбисты тут же опускают замершие палочки на инструмент, зал взрывается ревом восторга и аплодисментами, а красавица, как ни в чем ни бывало, делает два меньших полупоклона в сторону трибун и продолжает свой путь с отрешенным видом. Класс! Жюри одобрительно кивает, причмокивает губами, объявляет следующий выход и откидывается на спинки стульев с осознанием выполненного долга. Новая претендентка уже поднимается по лестнице, подобрав до щиколоток тяжелую юбку. С маленькими вариациями юная леди повторяет путь предыдущей кандидатки, а вслед за ней его повторяют еще две или три такие же похожие одна на другую, на мой неискушенный взгляд, девушки. Я постепенно начинаю понимать, что никаких интервью о мире во всем мире, а уж тем более дефиле, в чем мать родила, в данном мероприятии не предусмотрено строгим протоколом. Да и зачем, в самом-то деле?! Похоже, весь остальной мир со всеми его достижениями и безумствами мало волнует этих потомков легендарных майя. Оно понятно, что от него, как от скандального соседа, не избавишься, и жить все равно придется вместе, бок о бок, но вот приглашать его к себе в гости особого желания как-то тоже нет. Что ж, может, так оно и лучше, думаю про себя. Леопольдо уже давно ушел по своему делу, и я тоже не хочу быть не прошеным гостем на этом празднике жизни. А посему отправляюсь в отель.

Тикаль

Самолет летит из столицы страны до Флореса около часа. Сразу на выходе из аэропорта несколько гидов зычно заывают народ в свои микроавтобусы. Они похожи один на другой, как две капли воды, и я несколько минут тщетно пытаюсь найти критерий, по которому можно было бы выбрать наиболее подходящий моему статусу busito. Вижу группу белой молодежи, говорящую по-испански с кастильским акцентом и спрашиваю, откуда они, будучи уверен в ответе. Так и есть. Эти тинэйджеры прибыли из Валенсии. Наверно, хотят посетить места боевой славы своих далеких предков! Впрочем, меня это не касается. Нужна просто безопасная компания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.